

**ПРОФЕССОР ОЛЕГ МИШУКОВ,
ПРОРЕКТОР ХЕРСОНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.**

**ОТЗЫВ О ВЕЛИКОМ ПОКАЯННОМ КАНОНЕ СВЯТОГО АНДРЕЯ КРИТСКОГО
В РУССКО-ЦЕРКОВНОМ МЕТРИЧЕСКОМ ИЗЛОЖЕНИИ
АРХИЕПИСКОПА ХЕРСОНСКОГО И ТАВРИЧЕСКОГО ИОНАФАНА (ЕЛЕЦКИХ)
(*Полный текст*)**

Великий Покаянный Канон – сочинение святителя Андрея Критского, жившего в конце седьмого века от Р.Х. По своему содержанию канон – сокровенная беседа с собственной душой. По форме – античная ритмическая проза. Канон изобилует примерами из Ветхого и Нового Заветов, имеющими целью показать не только губительные последствия греховного состояния, но и бесконечное милосердие Божие, хотя и к падшему, но Его любимому творению.

Чтение Великого Покаянного Канона это, своего рода, словесное паломничество в духовный мир святого Андрея Критского, в мир восточной монашеской мистики и православной византийской антропологии. Покаянный Великий Канон знакомит читателя и слушателя с духовным измерением бытия: жизнь, как стояние перед вечным Богом в сердечном молчании и творческой созидательной деятельности, как умственное богосозерцание, как восхождение к вершинам святости через отсеменение греховной воли и утверждение последней в добре через исполнение двуединой заповеди о любви к Богу и человеку.

Великим постом в православных храмах канон св. Андрея Критского неоднократно читается на малопонятном ныне церковнославянском языке по древней Постной Триоди. Потому, к сожалению, его глубокие духовно-нравственные назидания и библейские исторические параллели, равно как и тонкие психологические наблюдения святителя Андрея, увы, недоступны современным прихожанам и бóльшей части нынешнего духовенства.

Помимо малой понятности в богослужбных церковно-славянских (и в позднейших русских переводах канона) есть тропари, в которых имеет место некоторые несоответствия повествованию Священного Писания. Например, в 5 песне канона (8 тропарь) благочестивые еврейские повивальные бабки именуется «убивающими иногда безвозрастное мужское», т.е. убийцами еврейских младенцев. Однако, согласно библейскому тексту они, благодаря некоей хитрости, не исполнили жестокое повеление египетского фараона предавать смерти новорождённых еврейских младенцев (ср. Исход, гл. 1, ст. 15-21).

Кроме упомянутого текстового несоответствия, в традиционном церковнославянском варианте Постной Триоди (вероятно, при переписке или при наборе текста) было утрачено окончание этого тропаря, лишившее его логической завершенности. Эта лакуна была творчески восполнена автором в настоящем издании.

Некоторые тропари были изложены автором в соответствие с нормами лексики русского языка и стали понятны «на слух». Например, тропарь на евангельскую притчу о мытаре и фарисее:

- «Мытарь спасение наследовал, блудница – целомудрие, но фарисей тщеславный воспринял осуждение! Ибо, «Будь милостив», – так мытарь во смирении взывал. «Меня помилуй», – молилась в покаянии блудница. Но гордый фарисей, в тщеславии себя превознося, так возглашал: «О Боже, благодарю Тебя, что не таков, как все!». И прочие затем из сердца исторгал безумные глаголы».

Лук. 7, 46-47; 18, 14.

И ещё одна деталь: заключительный богородичен на «и ныне» 9 песни канона у архиепископа Ионафана представлен в двух версиях.

В первой, традиционной, речь идёт о православной Ромейской столице - о Царском Граде Константинополе (ныне турецкий Стамбул):

- *«И ныне:* «О Богородица Пречистая, храни Твой Град, ибо он, веруя в Тебя, державно царствует, Тобою присно укрепляется, Тобою он повсюду побеждает, Тобою беды и напасти отменяет, Тобою он врагов пленяет и подданных он мудро избавляет от всяких притеснений».

Но, по неисповедимому Божьему попущению, Царский Град пал перед войсками мусульман и Православная Империя уже сотни лет как исчезла с лица земли. И только память возвращает современных греков-фанариотов, рассеянных по разным странам, в её былое величие и могущество.

Этот, теперь уже архаический текст, справедливо помещён автором в сноске ко *второй* версии богородична, в которой уже нет речи о якобы существующем византийском Царском Граде, приводящем в послушание окружающие враждебные народы, а повествуется о неизбывном уповании всех христиан на неодолимую Покровительницу Церкви - Пресвятую Богородицу. Что отображает нынешние исторические реалии:

- *И ныне:* «О Богородица Пречистая, под кров Твой ныне прибегаем, ибо Тобою присно веру укрепляем, Тобою всюду побеждаем,¹ Тобою беды и напасти отражаем, Тобою мудро избавляемся от всяких притеснений».

Помимо редакционных огрехов в богослужебном тексте канона в Постной Триоди и его малой понятности, существует ещё одна немаловажная проблема - культурно-эстетическая, возникающая при чтении покаянного канона на литературном русском языке в рамках церковно-славянского богослужения: русский «невоцерковлённый» текст «режет» слух прихожан, вызывая, как и во времена братьев - просветителей славян, резкую критику самой практики богослужебного употребления современных языков, как якобы совершенно «непригодных» или «низких» для этой цели.

Русское переложение архиепископа Ионафана http://vladyka-ionafan.ru/sites/default/files/liturgy/ARHIEPISKOP_IONAFAN_ELECKIH_POKAYANNYY_KANON_PO-RUSSKI_RITMIZIROVANNYY_S_UDARENIYAMI.pdf включают в себя некоторые формы церковнославянской лексики (звательный падеж – «душе», местоимение «аз» вместо «я» и др.), благодаря которым канон приобрёл «церковное» звучание. Для усиления этого эффекта ирмосы канона намеренно оставлены в церковнославянской версии канона Постной Триоди.

¹ Намёк на чудотворные Владимирскую, Казанскую и Смоленскую иконы Божией Матери, коими осеняли Святорусские войска и грады при нападении врагов.

Работая над переложениями канона на русский язык (для келейного чтения - сайт), автор руководствовался современными принципами перевода, согласно которым последний должен точно передавать смысл оригинала, а не следовать буквально иноязычному тексту. При этом в помощь привлекались доступные автору отечественные и зарубежные переводы канона на русский и украинский языки, сделанные в XIX-XX веках и, разумеется, греческие издания.

Приступая к работе над русским изложением канона, автор также руководствовался известным предложением **архиепископа Иркутского Тихона** (начало XX ст.): «Следует (*предстоящему Поместному Собору - О.М.*) рассмотреть вопрос об изменении в словосложении своем церковнославянского языка в более понятную и близкую к складу русской речи форму. Такой перевод есть настоятельная необходимость».

Настоящее русское ритмическое изложение отвечает этой необходимости и может заинтересовать тех, кто предпочитает чтение канона в церковнославянской традиции, с тем, однако, преимуществом, что смысл читаемого будет совершенно ясен.

Опыт изложения канона в нерифмованной, но ритмической прозе имеет внутреннюю словесную пульсацию. При этом заключительная фраза каждого тропаря «выбивается» из ритма, что необходимо учитывать, выделяя её смысл ходом голоса, например, снизу вверх к основному тону чтения текста или к основному тону припева или ирмоса канона: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя».²

Изложение канона в русской ритмической прозе в художественно-литературном и духовно-познавательном отношении имеет вы́раженную печать авторской оригинальности. В нем удалось передать и глубину покаянного чувства, и теплоту отцовско-сыновних отношений между Богом и человеком, которые присутствуют в древнегреческом списке.

Покаянный канон начинается важным гносеологическим вопросом:

- Откуда начnú пла́кати, зря́ще дея́ния безúмной моёй жи́зни? И гдé нача́ло ёсть, Христе́, всéх мо́их ны́нешних рыда́ний? (*Один из множества вариантов изложения «трудного» первого тропаря 1 песни канона архиепископа Ионафана*).

Эсхатологический ответ автора канона феноменально прост: солидарный причинно-следственный исток всех бед и нравственных падений человека кроется в т.н. первородном грехе - непослушании заповедям святого Бога и в забвении Бога-Отца, создавшего его для вечной жизни в Раю.

- «Ада́му пе́рвому престúпно подража́я и БОГА ПОЗАБЫ́В, лиши́лся аз и Ца́рства ве́чного, и ра́достей его́, ГРЕХОВ ВСЕХ МОИХ РАДИ!».

Сохраняя высокий лирический стиль, русская ритмическая проза переложения канона близка эсхатологическим переживаниям и ожиданиям православных читателей:

² Святейший Патриарх Кирилл при чтении Великого Покаянного Канона св. Андрея Критского (искать видео в Интернете) заключает чтение тропарей квартовым (для высоких голосов можно секундным) ходом голоса вверх - к тонике мелодики чтения или пения текста канона (сноска митрополита Тульчинского и Брацлавского Ионафана).

- «Душѣ моя, душе, уж близится кончина, но ты не думаешь о сем и не готовишься. Восстань, уже близ врат твой Судия стоит и время истекает, будто сон; словно цветок, вся жизнь твоя увянет! Почто же в суете мятешься ты?».

Потрясает евангельское сопоставление в тропаре, где душа, рыдающая ко Христу, оплакивает самое себя, как бездыханный труп на собственном нравственном погребении:

-«Тебѣ, как хананѣянка, взываю: помилуй, Сын Давида! Как кровоточивая, касаюсь края риз Твоих и плачу над собою, как Марфа и Марія над телом Лазаря!».

В Великом Покаянном Каноне св. Андрея Критского поэтически отражено исихастское учение о проникновении в подсознание человека *нематериальных предлогосов (пред-идей)* мирской, падшей красоты и страстей-влечений (*прилогов, предлогов, предмыслов; - О.М.*) и их бесовских «приражений», т.е. актов их удержания в уме в виде виртуальных картин умственной игры-фантазии. Эти идеипомыслы-прилоги свободной волей человека, - «более удобопреклонной к злу, чем к добру», - могут быть претворены в реальные греховные действия души. В каноне эта водоверть «падения души» прослеживается довольно ясно:

- «Возрел аз на лукавую красоту и умом помрачился, и пал низко, и сего стыжуся»;

«Разбойникам подобно кружат вокруг меня все помыслы грехов. Аз ими уязвлен и ранен, но Ты, придя ко мне, Христѣ и Спасе, Сам исцели меня!».

- «Все образы (*мысленные фантазии – О.М.*) страстей жестоких лелеял аз своим умом, и, вняв всем демонским наветам, кумир гнуснейший в нем воздвиг, став... соляным столпом».

В этой нравственной религиозной аксиоме - суть восточного мистического учения о зарождении греха и учения о духовной лестнице добродетелей, т.е. средствах борьбы с ним, через «воздержание» чувств, путем умственного созерцания Бога и размышления о Нем, через «обновление-преображение» человеческой психофизической природы посредством восприятия нетварного света божественных энергий, благодати, в семи церковных Таинствах (крещения, причащения и др.):

- «Та лестница, душе, что явлена была во древности великому из патриархов, указывает тебе на путь восхода в небо ступенями добродетели и истинного богомыслия. Стремись же к святости и в мудром созерцании ты сердце *обнови*».

- «Средь мглы ночной прошла вся моя жизнь, ибо окутал меня мрак греха, как тьмой непроходимой. О Спасе мой, Ты сыном Дня, что вечно светит, меня содейлай!».

Апофеоз надежды - два заключительных тропаря-обращения к Троичному Богу, как воплощению единства, гармонии и святости:

- «О Троица безначальная, несозданная Сущность, единство нераздельное! Ты кающихся глас прими и тех спаси, что тяжко согрешили. Мы все – творения Твои, да не отрини, пощади, избави нас, Благой, от мук мучительного ада!».

И далее моление к Пресвятой Богородице, - символу вселенского материнства и предстательства перед Божественным Сыном за дольний, грешный мир:

- «О Ты, Пречистая Владычица, Родительница Бога, Надежда, Матерь всех! К Тебе, как ко Пристанищу святому, средь бури зол мы прибегаем! Упроси Создателя и

Сы́на Твоего́, да снизойде́т Он *ми́лостью* Своёю на все́х Его́ рабо́в, моли́твами Твои́ми!».

Божественный кенозис (смирненное самоуничижение) Христа, снисхождение Божественного Логоса – Сына Божьего до образа служащего человеку Раба - это аксиома и основа нравственного учения христианства. Любовь, милость - выше холодной правовой справедливости. Такова основная идея канона святого Андрея Критского.

О нравственном евангельском императиве снисхождения к падшим много позже скажет и «солнце русской поэзии» - **А. С. Пушкин**, к концу жизни постепенно проникшийся идеями православного христианства: «И тем любезен был народу, что *ми́лостью* к падшим призывал».

В заключение уместно вспомнить высказывание **П.П. Кудрявцева**, замечательного профессора Киевской Духовной Академии (начало XX ст.), который писал: «Отчего бы не допустить возможности тако́го переложения богослужебных молитв и песнопений на русский язык, при котором бы сохранился внутренний стиль этих молитв и песнопений? Это, конечно, возмо́жно, но для своего осуществления требует и любви к делу, и литературного вкуса, и творческого дара. Много нужно подлинного религиозного вдохновения для того, чтобы найти на современном русском языке такие слова, какие проникли бы в сердца́, привыкшие к иным словам» (цитируется по: **Прот. Николай Балашов** «На пути к литургическому возрождению», М., 2000 г., с. 127.).

Настоящий труд преосвященного Ионафана, архиепископа Херсонского и Таврического, в котором собрались воедино и знания богослова, и творческий дар церковного композитора и духовного поэта, без сомнения, воссоздает искóмый стиль старинной русской речи: в нем действительно найдены слова, которые «западают в душу». Поэтому многолетний упорный труд владыки Ионафана, в частности, его ритмически изложенный постовой канон, знаменует, на наш взгляд, за́мётный литературный итог, более чем столетних усилий священнослужителей и лингвистов изложить *по-церковнорусски* замечательное творение христианской древности – Великий Покаянный Канон святого Андрея Критского.

*Олег Мишуков, доктор филологических наук, профессор,
проректор Херсонского государственного университета*

О профессоре Олеге Мишукове:

<http://khersonci.com.ua/public/14247-velikij-khersonets-oleg-mishukov.html>

**Святой равноапостольный Кирилл
о методе перевода греческих текстов на славянский язык**

«Греческий в переводе на другой язык никогда не может быть передан одним и тем же способом, и это и случается со всеми языками, на которые он переводится. Часто бывает, что слово, изящное на одном языке, не таково на другом, а имеющее важное значение на одном языке, не столь важно на другом. Поэтому не представляется возможным всегда следовать греческому выражению, но то, что должно всегда сохраняться, - это его смысл».(Цит. по Тахиаос А. "Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян").

Святитель Иоанн Златуст
о значении уставной гласовой (ладовой) мелодии
и управляемой ритмике церковных гимнов

«Ничто так не возвышает душу, ничто так не окрыляет её, не удаляет от земли, не освобождает от телесных уз, не наставляет в философии и не помогает достигать полного презрения к житейским предметам, как согласная мелодия и **управляемое ритмом** божественное песнопение».

Отец Алесандр Шнеман
о принципах перевода византийских богослужебных гимнов
на новые языки

Очевидно, что при переводе византийских богослужебных гимнов требуется известная творческая свобода и поэтический стиль изложения. На последнем настаивал о. Александр Шнеман. "Большинство наших (англо)-переводчиков, - писал он, - как видно, забыли, что основной «ключ» к богослужению — в первую очередь эстетического, а не рационального свойства.

Литургические тексты — не только утверждения, богословские или нравственно-дидактические, с единственной целью выразить и сообщить мысль, заповедь, знание. Вернее, это и впрямь их цель, но достигается она иными средствами, чем в богословии и проповеди.

Эстетический элемент в богослужении — в литургической поэзии, музыке, обряде — не случаен, а существен; он укоренен в самой природе культа, так что, лишаясь его, богослужение перестает удовлетворительно исполнять главную свою функцию — не просто сообщать идеи о Боге, но раскрывать «небо на земле», приводить человека в прямое соприкосновение с той Реальностью, адекватным и действенным символом которой бывает культ (- богослужение).

Эстетическая структура богослужения в нашей литургической традиции предельно существенна, ибо укоренена в православном осмыслении и восприятии Церкви как явления в этом эоне, в этом мире Царства грядущего — конечной Реальности, которую Церковь провозвещает, и не только провозвещает, но и нас делает ее причастниками.

Конечно, богослужение имеет назидательную, или образовательную, функцию, можно сказать даже, что в известном смысле все богослужение есть научение, есть богословие, есть проповедь. Но научение это не просто неотделимо и неотлично от красоты, но красота есть само его содержание и средство сообщения.

Именно здесь проблема литургического перевода встает во всем своем реальном значении. Две трети всех литургических текстов в нашей традиции составляют гимны, то есть поэтические произведения, предназначенные для пения. Поэзия же, по определению, непереводаема, ибо смысл ее — в органическом сплетении строя, ритма и музыки слова.

Отсюда первое непреложное условие (перевода): «уложить» византийский период в краткие утвердительные (керигматические) предложения, сгруппировав каждое вокруг одного четкого образа и опустив все слова и даже образы, которые «годятся» в греческом тексте, но разрушают английскую (и иноязычную – сайт) фразу.